



1. УЕЗДНЫЙ УЧИТЕЛЬ

Ранней весной 1864 года двое молодых людей, одетых как мастеровые, а судя по разговору — студенты, сидели в Москве на поезд. Станция Московско-Нижегородской железной дороги только что была построена на том же самом Каланчевском поле близ Красного пруда, что и Николаевский вокзал. Движение напрямик до Нижнего открылось недавно, все было в диковинку, и один из студентов, оказалось, вообще никогда раньше чугушкой не ездил. Товарищ стал показывать ему рельсы, паровоз, начал было объяснять принцип устройства паровой машины и значение железных дорог для чело-

вечества. Но раздался звонок, потом второй и третий. Пронзительный свисток обер-кондуктора возвестил, что поезд трогается. Народ в вагоне третьего класса крестился и вздыхал. Пятьдесят верст до станции Богородской ехали со скоростью неслыханной — меньше, чем за два часа. Здесь студенты сошли, путь их лежал в уездный город Богородск, что в двадцати верстах в сторону от чугунки. Наняли крестьянскую подводку — возница оказался несмышлен, глуховат, можно было разговаривать не стесняясь. «Так кто же такой этот Федоров, к которому ты меня везешь? Скажи толком, Ермолов», — отнесся к своему товарищу один из путешественников — светловолосый, высокий, с девичьим румянцем на щеках и курчавой белокурой бородкой.

— Личность замечательная, — откликнулся тот, кого называли Ермоловым. — Даром что простой учитель уездного училища, а образование имеет широчайшее. Знает три языка в совершенстве, силен не только в истории, а и в математике, в физике...

— Он химик, он ботаник, князь Федор, твой племянник!

— Не смейся, Петерсон. Когда познакомишься с ним поближе, поймешь, что такие люди нужны нам особенно. Умен, честен, этого сказать мало. Самоотверженный человек. О себе не хлопочет. Живет для других. Все, что получает, раздает, спит на досках, как Рахметов...

— Да откуда он взялся, этот Федоров?

— О своем прошлом никому не рассказывает. Николай Андреич говорил мне, что тут тайна фамильная, мрачная. Из знатного он рода — от князя Гагарина и крепостной девушки... История по тем временам известная! Но кажется, что отец Федорова был человек порядочный, дружил с теми (Ермолов понизил голос), что на площади были четырнадцатого, и если сам не попал туда, то оттого, что был в это время в Америке...

— Как его угораздило?

— По дипломатической части. А когда вернулся, вышел в отставку, заперся в своем имении и родил нашего Федорова. И если бы не умер отец преждевременно, когда мальчику было всего четыре года, неизвестно еще, как повернулась бы его судьба.

— Значит, остался сиротой?

— И притом незаконным. А что такое незаконный ребенок в нашем разлюбозном отечестве, объяснять не приходится. Дед — самодур и крепостник (и особенно, кажется, постаралась тут супружница его, из актерок) — распорядился осиротевшей семьей просто. Выгнали вон! Впрочем, отец Федорова обеспечил наследством мать и ребенка. Образование мальчик получил дворянское, учился блестяще, но высшего учебного заведения, кажется, не закончил, уволили за бунтарство...

— Так зачем же посылает нас к нему Ишутин?

— Николай Андреич считает, что такие люди нужны нам в первую очередь... Такие, как Рахметов, как Лопухов, как сам (Ермолов опять понизил голос) Николай Гаврилович...

Показался Богородск и крутой берег Клязьмы. Возница пожелал остановиться у кабака. Студенты подхватили свой нехитрый багаж (у Петерсона — деревянный сундучок с привешенным железным замком, у Ермолова — котомка) и, расплатившись, пошли искать уездное училище. Там, поблизости, в ветхой конурке, обитал учитель Федоров.

2. ИШУТИНЦЫ

Петерсон и Ермолов, московские студенты, участвовали в кружке, который впоследствии получил название ишутинского. Вдохновитель его и организатор — Николай Андреевич Ишутин — был человеком, личной жизни не имевшим. Сын мелкого пензенского купца, сирота с младенческих лет, хлебнул он горя в чужих людях, и университетами его были нужда и тяжкий труд. И мечта. Мечта — свергнуть ненавистный строй, не дающий людям счастья и воли.

Ишутин и ишутинцы имели свою программу. Программа — народная революция. В прокламациях, которые разбрасывались ими по деревням и фабричным мастерским, на базарах и в питейных заведениях, говорилось без обиняков: «Земля должна принадлежать не тунеядцам-помещикам, а артелям, обществам самих землепашцев. Все капиталы надо забрать у кровососов-толстосумов, у царя и сановников царских. Довольно им проматывать народное добро!.. Русский народ и без

царя сумеет управляться. Будет у всех достаток, все будут работать, и заживет счастливо и честно народ, работая только на себя...»

Собирались ишутинцы под видом лихих пирушек в одном из домов в Трехпрудном переулке в Москве. Читали и обсуждали статьи Чернышевского — к нему относились как к своему учителю и перед ним благоговели. «Главное, что растолковал мне Николай Гаврилович, — говорил Ишутин, — это что освобождение крестьян в феврале шестьдесят первого не было освобождением, а новым закабалением. За клочок земли, полученный как милость от царя-батюшки, должен крестьянин платить выкуп помещику. Платить десять, двадцать, а то и все пятьдесят лет подряд!»

А когда вышел в свет после ареста Чернышевского роман «Что делать?», больше всего поразила ишутинцев идея устройства артелей. «Ай да Вера Павловна! — восклицал с восторгом Ишутин. — Словно прочитала наши мысли...»

Штудировали кружковцы Чернышевского, читали и Герцена. Переписывали и передавали друг другу страницы «С того берега», особенно главу «После грозы», где говорилось, что «каннибал, который ест своего невольника, помещик, который берет страшный процент с земли, фабрикант, который богатеет на счет своего работника, составляют только видоизменение одного и того же людоедства... «Работник не хочет больше работать для другого, — восклицал Герцен, — вот вам и конец антропофагии! Все дело теперь за тем, что работники не сосчитали своих сил, что крестьяне отстали в образовании. Когда они протянут друг другу руки, кончена тогда эксплуатация человека человеком... Кайтесь, господа, кайтесь! Суд миру вашему пришел. Не спасти вам его ни осадным положением, ни казнями, ни благотворениями...»

Доставку двадцати номеров «Колокола» помог устроить ишутинец Чуйко, побывавший за границей у великого изгнанника и заручившийся его поддержкой. «Будьте осторожны», — напутствовал своего гостя Герцен. Он сказал также, что получил недавно письмо от молодого русского писателя. От графа Льва Толстого (автора «Казачков» и «Севастопольских рассказов»), где тот называет февральский манифест, отменивший крепостное

право, «болтовней». «Болтовня, не дающая мужикам ничего, кроме обещаний!» Толстой прав только отчасти, заметил Герцен. Мужика обманули, это так. Но, обезземелив его и надев ему на шею еще одно ярмо, толкнули тем самым Россию к новой пугачевщине. «И это уже не болтовня, это предвестие великой бури. Толстой убедится в этом. Писатель таланта огромнейшего, жаль только, что связался в последнее время с катковской помойной ямой — «Русским вестником»...» «Будьте же осторожны», — повторил на прощание Герцен, задержав руку Чуйко в своей широкой, белой руке и всматриваясь в него светлыми изучающими глазами.

Они были осторожны. Ишутин разделил тщательно деятельность своего кружка на легальную и «все остальное». (Что такое «остальное» — вслух не говорилось.) Не таясь, собирались в Трехпрудном переулке, читали вслух книги и журналы, устраивали диспуты. Шпики, заглядывавшие туда под видом дворников и домашней прислуги, докладывали начальству, что студенты бражничают и спорят, а о чем, сказать трудно. Начальство, кажется, не ругают. Легальными были артели, которые пробовал, по примеру Веры Павловны, устраивать Ишутин, — сапожная, переплетная. Попытались еще создать под Москвой частную бесплатную школу для крестьянских ребят. «Дайте мне школу, и я из каждого мальчугана сделаю революционера!» Говоря это, Ишутин словом не тратил. На первом же уроке показал ученикам орла на медном пятаке и пояснил: «Орел — птица кровожадная. Особенно с двумя головами. В когти к ней не попадись! Самое верное — свернуть ей обе головы!»

Мечты, мечты... Артели ишутинские, под которые подкапывались местные кит китычи, быстро прогорали, школу разогнала полиция. Студента-ишутинца Петерсона это не удивило. Двамя годами раньше, учительствуя в яснополянских школах Льва Николаевича Толстого, был он свидетелем, как нагрянули в Ясную Поляну жандармы и камня на камне не оставили от педагогических затей писателя...

Пропаганда, хождение в народ, жизнь с народом — вот все, что пока оставалось ишутинцам (если не считать «остального», о чем вслух не говорилось). И вот тогда-то вспомнил Ишутин о богородском уездном учителе Федорове, о котором донесли ему разосланные по губер-

нии ходоки. Рассказы о нем шли из уст в уста. Заболел однажды у одного из его учеников отец, и не на что было лечить. Федоров отдал на лечение свои деньги. Больного не удалось спасти, и надо было хоронить, и тогда продал Федоров свой единственный вицмундир и вырученные деньги отдал сироте, а сам на следующий день явился на урок в ветхой одежонке, чуть ли не в лохмотьях. И так случилось, что в этот день посетил школу какой-то начальник. Увидев учителя в убогом костюме, разбушевался, потребовал объяснений. Федоров не стал объяснять, и, если бы не вступился директор (знавший, в чем дело), пришлось бы учителю складывать скудные пожитки и уходить прочь. Кроме этого случая были и другие, кончавшиеся не столь благополучно. Не нравилось начальству многое в поведении учителя, подозревали (и не без оснований), что прячет он у себя запрещенные книги, рылись не раз в его вещах. Но ничего не нашли. Пришлось все-таки подавать в отставку — за десять лет много раз кочевал Федоров из одного уездного города в другой. Из Липецка в Богородск, потом в Углич, в Одоев, опять в Богородск, Бронницы, Боровск...

— Поезжайте, поговорите с ним, привлечите его к нашему делу, — сказал Ишутин Ермолову и Петерсону. — Хороший он человек, а хорошие не могут не быть с нами. И ученейший. А ученые люди ох как будут нужны нам, когда дело пойдет на лад... Вот я, например. (Ишутин развел руками, словно бы приглашая посмотреть на свою низенькую, невзрачную фигуру.) Учился на медные гроши, гимназии не кончал. Да и вы все, друзья мои, даром что студенты, а недоучились и вряд ли доучитесь когда-нибудь... Будете у Федорова, скажите ему, что сейчас хоть мало нас, но это вещь наживная! О целях наших политических расскажите подробно. А больше... больше ни слова...

Что именно нельзя говорить ни слова, понял Ермолов, а Петерсон нет, потому что Петерсон был новичком в кружке и не знал главного. А главное было — у б и т ь царя. Это должны были сделать люди особо доверенные, особо отобранные — Ермолов был в их числе, — и называли они себя «Ад».

Не знали еще тогда ишутинцы, что «Ад» погубит их всех. Случилось так, что через два года после описанного разговора у одного из членов «Ада» — Дмитрия

Каракозова — не выдержали нервы и, не сказав ничего товарищам, самовольно, необдуманно выстрелил он в царя 4 апреля 1866 года у входа в петербургский Летний сад. Царь уцелел тогда, а Каракозов кончил жизнь на виселице...

Решено было, что главную задачу — сблизиться с Федоровым — возьмет на себя Петерсон и для этого выйдет из университета и поступит учителем в то уездное училище, где служил Федоров. Ермолов же будет наезжать время от времени и смотреть, как спорится дело.

3. ЧЕРНЫЙ ХЛЕБ

Постучав не без робости, вошли в хибарку, где в углу за ситцевой занавеской жил уездный учитель.

— Вы ко мне? — спросил, встав из-за стола, грубо сколоченного из досок, человек среднего роста, возраста неопределенного. Можно было дать ему и сорок, и пятьдесят, и даже шестьдесят лет. Впалые его щеки были покрыты клочковатой, растущей как попало растительностью, из-под кустистых бровей странным беспокойным блеском пронизывали собеседника колючие глаза. Одет был Федоров, несмотря на погожий день, в теплую бесформенную кацавейку, из которой в прорванных местах торчали куски ваты.

Другой мебели, кроме грубого стола да еще сундука, на котором, видимо, спал ночью жилец, и потемневшей от древности лавки у бревенчатой стены, не было. В углу под хозяйскими иконами на полу сложена груда книг.

Петерсон долго помнил эту первую встречу и разговор, который сначала не клеился, а потом стал оживленным и в конце даже перешел в горячий спор. Запомнилась и особенная федоровская черточка — часто прятавал он кисти рук в рукава своей ветхой кацавейки, словно бы было ему холодно... Прервался разговор неожиданно. Пришли хозяева дома — мастеровой-шорник, работавший на извозном дворе, и его жена, служившая там полемойкой. Услышав шумное прение в углу за занавеской, пригласили гостей и жильца разделить с ними

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения
невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ

Эту книгу вы можете прочитать
в Оренбургской областной универсальной
научной библиотеке им. Н. К. Крупской
по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20
тел. для справок: (3532) 77-08-50

